

перников думал над ходом полтора часа и больше. Но рекорд, видимо, принадлежит Ефиму Боголюбову. На турнире в Берлине в одной из партий он размышлял над своим ходом два часа. Самое интересное, что именно этим ходом он зевнул фигуру!

Пуговица

В сеансе одновременной игры, который давал Сало Флор, было много неполных комплектов шахмат, и вместо недостающих фигур использовались спички, монеты, кусочки сахара и др. В разгар борьбы гроссмейстер спросил одного из участников:

— Извините, а где мой ферзь?

— Ваш ферзь? — удивился любитель. — Я давно забрал его: это же была пуговица!

— В самом деле, — согласился Флор, — за пуговицами я совсем не следил.

Неинтеллектуальные воры

Когда воры обокрали квартиру Файна, они унесли у него телевизор, магнитофон и прочую ерунду, оставив нетронутым самое ценное — уникальную коллекцию старинных шахматных рукописей.

— Да, несомненным достоинством Америки перед Европой, — заметил счастливый пострадавший, — является более низкий интеллект наших грабителей.

Подвиг пионеров

Чемпион Англии Роберт Вейд, посетив в пятидесятые годы Москву, провел сеанс одновременной игры во Дворце пионеров. Газеты всего мира сообщили о результате сеан-

са как о своеобразном рекорде. Из тридцати партий англичанин десять свел вничью, а остальные двадцать... проиграл, испытать вкус победы ему не довелось. К своей чести гость не потерял чувство юмора и, потерпев фиаско, заметил:

— Если бы любой из этих пионеров давал сеанс против тридцати Вейдов, счет был бы наверняка лучше.

Приглашение

Александр Котов и О'Келли дружили семьями. Летом 1980 года бельгийский гроссмейстер пригласил своих московских друзей к себе в гости. Однако оформление документов затянулось, и 3 октября О'Келли умер. Котовы, однако, решили не сообщать властям об этом скорбном событии и отправились в Бельгию. В декабре они вернулись домой в Москву. А спустя две недели, 7 января 1981 года, умер и Котов.

Вот такое совпадение, такая печальная история. Узнав о ней, Василий Смыслов, склонный к мистике, многозначительно поднял перст и прошептал: «И вновь О'Келли его позвал...»

И правда, мистика: дважды О'Келли пригласил Котова посетить его — и с этого света, и с того — и дважды Котов не сумел отказать своему другу.

Слоны и кони

В радиоматче СССР — США, который состоялся в 1945 году, Давид Бронштейн выиграл обе партии у мастера Сантасьера, и тот послал победителю телеграмму: «Поздравляю с победой. В обеих партиях вы убедительно доказали преимущество двух

слонов над двумя конями». Будущий участник матча на первенство мира был несколько уязвлен такой односторонней оценкой его игры и ответил: «Рад, что оказался полезен. При следующей встрече постараюсь столь же убедительно доказать преимущество двух коней над двумя слонами».

Неожиданная поддержка

В 1971 году, после проигрыша Фишеру со счетом 0:6, Тайманова обвинили во всех смертных грехах, в том числе в предательстве социалистической системы. Одна кара следовала за другой, но тут пришла поддержка с неожиданной стороны.

– Спасибо Бенту Ларсену, который тоже проиграл Фишеру, и тоже всухую, – заочно поблагодарил Тайманов своего коллегу.

Действительно, вторая победа Фишера со счетом 6:0 несколько отрезвила преследователей советского гроссмейстера. Уж датчанина они никак не могли заподозрить в тайном сговоре с капиталистами.

Сочувствующий таможенник

После возвращения из Канады на родину Тайманов был подвергнут в московском аэропорту тщательному таможенному досмотру. И, как назло, в его багаже обнаружили роман Солженицына «Раковый корпус». За провоз книги будущего лауреата Нобелевской премии гроссмейстера вскоре лишили многих званий и титулов. Но, разумеется, это был лишь предлог. Начальник таможни, прекрасно знавший Тайманова, сочувствовал ему:

– Эх, Марк Евгеньевич, если бы вы выиграли у Фишера, я бы вам

собственными руками полное собрание сочинений Солженицына до такси донес...

Неприятности у классика

Итак, «за Солженицына» Тайманов получил по полной программе. Но нет худа без добра: благодаря этому печальному случаю родилась бесподобная шутка, которую придумал Мстислав Ростропович:

– Вы слышали? У Солженицына большие неприятности!

– Неужели! Что же случилось?

– Вы не знаете? У него нашли книгу Тайманова «Защита Нимцовича»!

Простой вопрос

Фиаско Тайманова в матче с Фишером разбиралось в Шахматной федерации СССР.

– Вы выбрали неправильную стратегию, – поучали Тайманова его многочисленные коллеги. – После проигрыша необходимо было делать ничью.

– Но как? – признав свою вину, спросил Тайманов.

В зале воцарилось гробовое молчание. Никто из гроссмейстеров не мог дать ответ на этот простой вопрос.

Приз за красоту

Гроссмейстер Барца завоевал на турнире приз за самую красивую партию, а когда возвращался домой, в Венгрию, у него на границе тщательно проверили багаж.

– Откуда у вас эта оригинальная статуэтка из мрамора? – спросила таможенница, очаровательная блондинка.

— Это приз, который я получил за красоту, — гордо ответил давно посевший венгерский шахматист.

— Представляю, как выглядят остральные, — вздохнула девушка.

Бесценный ремень

На шахматной олимпиаде в Дубаи тренер женской сборной СССР Эдуард Гуфельд прослышал о значительных скидках в загородном магазине «Мажестик». И когда олимпиада закончилась, он, прихватив с собой нескольких гроссмейстеров, отправился по нужному адресу. Однако сразу выяснилось, что в этом магазине высокой французской моды цены космические, и никакие скидки не спасут. Оставалось придумать повод, чтобы побыстрее покинуть этот «шоп». Но тут к Гуфельду подошел хозяин «Мажестика».

— Надеюсь, вы уже что-нибудь присмотрели? — спросил он, любезно улыбаясь.

— К сожалению, у меня слишком большие размеры, — извинился Гуфельд, — я даже не нашел подходящего ремня для моих брюк.

Владелец магазина немало удивился и тут же принес десяток ремней необходимого размера. Примеряя их один за другим, Гуфельд чуть не обомлел, так они были хороши. Но спросить о цене никак не решался. Увидев счастливое лицо гостя, довольный хозяин тут же пошел на уступки:

— Эдуард! Вам, как гроссмейстеру, я делаю солидную скидку в пятьдесят процентов. И ремень, который стоит двести долларов, вы приобретете всего за сто!

Гуфельд был сражен наповал. Ведь дело происходило в начале пере-

стройки, и все его командировочные составляли меньше ста долларов.

— Но это не все, — добавил щедрый человек. — Еще один ремень я вам дарю, это мой презент!

Сказочное предложение! Коллеги Гуфельда, стоявшие в стороне, ехидно улыбались, им было интересно, как он выкрутится из щекотливого положения.

— Увы, не могу принять столь ценный подарок, — гордо заявил гроссмейстер, — воспитание не позволяет.

— О чем вы говорите, Эдуард. Пожалуйста, не отказывайтесь, это будет нам только приятно.

— Нет-нет, ни при каких обстоятельствах. Как же я возьму всего за половину цены один ремень, а второй вообще бесплатно? Это не в моих правилах. Я не могу пойти на то, чтобы разорить вас.

Обмен любезностями продолжался долго, и владелец магазина вместе с присоединившейся к нему женой буквально умоляли Гуфельда принять их предложение как память о встрече. Наконец гроссмейстер «сломался»:

— Ну, хорошо, дорогие дубайские друзья! — сказал он. — Раз вы так настаиваете, я предлагаю компромиссное решение. Чтобы не нанести вам большой ущерб, я возьму только второй ремень, ваш презент. Но зато первый ремень останется у вас!

Участники советской сборной едва не падали на пол со смеху. А хозяин «Мажестика» лишился дара речи и моргал глазами, совершенно не понимая, что происходит. И пока его приводили в чувство, Гуфельд с компанией сели в машину и умча-

лись в город. Так закончилось их посещение самого дешевого магазина в Арабских Эмиратах.

Герой Капиталистического труда

В конце семидесятых спортивные результаты бывших конкурентов Корчного заметно снизились, а он как раз достиг своей вершины: в 1978-м в Багио едва не взошел на шахматный трон.

— Почему, опережая Корчного многие годы, вы, будучи на шесть лет моложе, затем безнадежно отстали от него? — спросили как-то у Спаского.

— Ничего удивительного, — ответил тот. — Корчной необыкновенный труженик! Когда он жил в СССР, я называл его Героем Социалистического труда, а когда он перебрался на Запад, присвоил ему звание Героя Капиталистического труда.

Армянский коньяк

В 1960 году, победив на шахматной олимпиаде в Лейпциге, советская команда праздновала победу. Михаил Ботвинник, который был в те времена главной шахматной фигурой, подошел к Корчному и сказал:

— Виктор, давайте с вами выпьем. Это хорошо выдержанный армянский коньяк. Как ваша жена. (Первая жена Корчного была армянкой.)

Корчной взглянул на бутылку, на пустую рюмку Ботвинника (Ботвинник никогда не пил) и мгновенно отреагировал:

— Да, это старый армянский коньяк. Как ваша жена. (Жена Ботвинника тоже была армянкой.)

Шахматный король побледнел как полотно и отошел в сторону. Патри-

арх не мог снести такого дерзкого ответа и через некоторых людей дал Корчному понять, что он должен прийти и извиниться. Корчной же полагал, что человеку, который так смело шутит, следует адекватно воспринимать и чужие шутки. Но все-таки Корчной был намного моложе Ботвинника и в шахматной иерархии стоял намного ниже, и он охотно извинился. «Армянский» инцидент был исчерпан.

Разговор с Богом

Корчной рассказал историю последней партии Михаила Талья. Это было в Барселоне в 1992 году. В начале турнира Таль блестяще выиграл у Лотье, но надолго его не хватило, и он белыми предлагал всем ничью, а черными безропотно проигрывал. И вот в предпоследнем туре он уже сдал свою партию, а Корчной еще сражался с Акопяном, у которого был перевес в окончании. В это время Таль подошел к Акопяну и предложил ничью в предстоящем последнем туре. Акопян согласился, но не сумел одолеть Корчного и, поскольку боролся за первое место, на следующее утро извинился перед Талем и отказался от его мирного предложения. Шахматный король сидел мрачный, усталый.

— Ну что вы так печальны, — пытался вдохнуть в него жизнь Корчной, — ну Акопян — ухудшенный Петросян...

Таль ничего не ответил. И была дикая напряженная партия, которую Таль в конце концов выиграл. А через три недели он умер...

Один человек, которому Корчной поведал эту историю, восклик-

нул, показав на небо: «Наверное, там было известно, что это последняя партия Таля, и он должен был в ней победить!» Корчной рассказывал еще и еще, и всякий раз следовало: «Видно, там, наверху, было известно...» Но вот кто-то, кому Корчной в очередной раз поведал о последней встрече Таля, задумался и сказал: «А ведь для того, чтобы эта партия состоялась, вы должны были сделать ничью с Акопяном! Так кто же истинный Бог?!»

Так, единственный раз в жизни, Корчной почувствовал себя Богом или полубогом, что, впрочем, значения не имеет.

На острове

В 1962 году сборная СССР вылетела на чемпионат мира по футболу в Чили, при этом была запланирована промежуточная посадка на острове Кюрасао. Наши футболисты тогда отличались интеллектом (поэтому и играли лучше) и все свободное время проводили за шахматной доской. Полет был долгим, и заядлые шахматисты спартаковцы Игорь Нетто и Галимзян Хусаинов решили проверить свою спортивную форму. Им повезло: в самолете нашелся человек, прихвативший с собой доску, — вратарь команды Владимир Маслаченко. Партия развивалась медленно, и партнеры предпочли отложить ее: самолет уже приземлялся на «шахматный» остров Кюрасао. В самом деле, ведь именно там проходил тогда очередной турнир претендентов с выдающимся составом. Его участники с удовольствием общались с футболистами советской сборной, и на доске, принадлежавшей Маслаченко, каждый из

гроссмейстеров поставил свой автограф, даже Бобби Фишер. Между тем Михаил Таль завершил анализ отложенной позиции Нетто — Хусаинов, и оказалось, что капитан нашей сборной может забить Хусаинову верный гол — объявить мат в три хода. Нетто был очень доволен и, прощаясь, воскликнул: «Вот бы нам так играть в футбол, как Таль — в шахматы!»

А бесценная доска Маслаченко вскоре исчезла, вернее, ее взял подержать на минутку футболист киевского «Динамо» Виктор Серебряников, да так и заиграл...

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Скромность писателя

Бернард Шоу как-то зашел в ресторан.

— Что сыграть в вашу честь? — спросил его дирижер оркестра. Но музыка мешала писателю разговаривать со своим коллегой, и он высказал скромное пожелание:

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы сыграли партию в шахматы.

Уникальное полотно

Эрнест Хемингуэй обладал коллекцией картин, которой весьма гордился и с удовольствием демонстрировал гостям. Как-то один из них, проявив полное безразличие к большинству полотен, надолго задержался около картины, изображавшей играющих шахматистов.

— Вам нравится? — спросил польщенный хозяин.

— Великолепно, — ответил гость. — Белые жертвуют ферзя и ставят мат в три хода!

Кто чемпионы?

На одной из партий между Карповым и Каспаровым присутствовали Леонид Зорин, чемпион Центрального дома литераторов, и его друг гроссмейстер Марк Тайманов. Забавный эпизод, единственным свидетелем которого явился автор этих строк, произошел на двадцать третьем ходу. Зорин подошел к Тайманову и, глядя на демонстрационную доску, задумчиво заметил:

— По-моему, Карпов собирается двинуть вперед свою коневую пешку.

Ход выглядел не слишком убедительно. Марк Евгеньевич снисходительно улыбнулся. Ответ его прозвучал своеобразным афоризмом:

— Этот ход не может быть сделан, потому что не может быть сделан никогда!

Тайманов стоял спиной к демонстрационной доске и не мог видеть, что как раз в этот момент коневая пешка белых переместилась на одно поле вперед. Когда гроссмейстер развернулся на 180 градусов и взглянул на доску, он усмехнулся и скромно заметил:

— Вот почему я не чемпион мира!

— Это понятно, — согласился с ним Зорин, — но почему я не чемпион мира?

Матч на полу

Не меньше, чем своим гроссмейстерским титулом, Котов гордился членским билетом Союза писателей: он был первым, кого приняли в Союз за шахматные книги. В те годы писатели тщательно оберегали свои ряды, и прорваться чужаку было не просто. Требовались рецензии от ав-

торитетных людей. Котов обратился к Эмилию Брагинскому, драматургу и сильному шахматисту (в молодости он занимался на Стадионе юных пионеров вместе со Смысловым).

— Я готов написать про вашу книгу об Алехине, что это оригинальное произведение литературы, — сказал Брагинский гроссмейстеру, — но только в том случае, если вы мне заплатите.

— Сколько? — насторожился Котов.

— Сыграете со мной восемь партий в блиц.

Котов вздохнул с облегчением. Однако он рано радовался. Недооценив шахматной силы рецензента, претендент на корону проиграл одну из партий и в сердцах смахнул все фигуры на пол. Писатель предложил продолжить игру на полу, но в конце концов проиграл матч. Зато Котов получил рецензию, с которой мог смело выдвигаться не то что в Союз писателей, а на Нобелевскую премию.

Безнадёжное положение

Евгений Рейн в юности увлекался шахматами, в Ленинграде когда-то общался со Спасским. Увы, именно эта любимая игра принесла поэту самые большие разочарования в жизни. В 1989 году в Амстердаме он долго бродил по городу, затем зашел в шахматный клуб отдохнуть и сыграть пару партий в блиц. Партнером оказался человек, выдававший себя за морского капитана. В дебюте поэт надолго задумался, а сумку повесил на спинку стула. Сделав наконец ход, он оглянулся и с ужасом обнаружил, что сумки на стуле уже нет,

как нет и его противника. Рейн похолодел: в ней был паспорт, билет до Москвы, последние 30 долларов и, самое главное для поэта, блокнот со свежими стихами. Да, в такое безнадежное положение Рейн никогда еще не попадал. Потеря звания чемпиона мира — пустяк по сравнению с его потерей...

Могильная плита

Актер Раднэр Муратов (помните Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи»?) был большим фанатом шахмат, однажды даже пострадал из-за них. Во время съемок какого-то фильма Радик то и дело обыгрывал режиссера. Ему намекали, чтобы он остановился, мол, режиссер выходит из себя и уже имеет на него зуб. А Василий все выигрывал и выигрывал...

И вот фильм вышел на экраны, а Муратова не было ни в одном эпизоде. Только в самом конце показали кладбище, могильную плиту и на ней надпись: «Радик». Мстительный режиссер отыгрался.

Как артист психа раскусил

Все знают Валентина Гафта как потрясающего артиста, однако в школьные годы он собирался стать гроссмейстером: всегда носил с собой доску и фигуры. Правда, в самом начале шахматной карьеры у него произошло одно печальное недоразумение.

...Играть Валентина научили соседские пацаны Юра и Киса, причем Юра перед этим по дружбе выбил у Гафта зубы, а Киса только-только

вышел из тюрьмы. И вот эти симпатичные и юморные ребята решили немного подшутить над маленьким Валею и показали ему совсем не те ходы, какие положено. Конь, скажем, прыгал у них буквой «п», а не «г», а ферзь вообще делал что хотел, одним ударом мог снести полдоски.

Когда Гафт научился таким шахматам, Юра и Киса отправили его в сумасшедший дом, расположенный неподалеку, с заданием. Гафт должен был играть с выздоравливающими психами и определять, можно ли их уже выпускать на свободу. В саду, где прогуливались претенденты на выписку, будущий артист, расставив фигуры на маленьком столике, приглашал их к себе на прием и предлагал сгонять партию-другую. Игра начиналась, и спустя три хода король очередного пациента попадал в матовое кольцо.

«Молодец! — хвалил его Гафт, — можешь собирать вещи». И только десятый по счету сумасшедший, получив мат, неожиданно для экзаменатора возмутился, стал махать руками, заявил, что Гафт не умеет играть в шахматы, и даже обозвал его психом. И именно этому несчастному, знающему, на свою беду, настоящие правила, Гафт отказал в выписке. Более того, он даже подумал про себя, что тот вообще никогда не выздоровеет, не покинет эти стены. «Безнадежный случай», — махнул на него рукой Гафт.

Вот так из-за каких-то шахмат, деревянной доски и фигур, человек мог надолго застрять в сумасшедшем доме. Жуть какая!